

Являюсь пугалом в мире искусства, в особенности в России»

3.09.04
19

Малевич о себе

Обстоятельства, в которых протекала моя жизнь, были таковы: отец мой работал на сахарных заводах... На плантациях рабочих, от мала до велика, почти все лесен, а я, будущий художник, любовался и «цветными» работниками, которые постоянно прорывали свеклу.

Часто мне попадало от крестьянских мальчишек. Несмотря на все мои симпатии к ним, все же считали меня заводским. Они собирались покормить меня, но иногда принимали свою компанию.

В славный город Конотоп весь блеснул от базарах и возле станции длинными рядами столиками сидели женщины, которые ели сальниками, от них несло чесноком. В лотках были навалены груды разного вида. Сами сальники блистали от засаленных, в которых отражало свои лучи солнце, от этого чеснока.

В Курск вскоре к нашему лагерю прибыл один настоящий художник, от которого пахло академией художеств. Это был Лев Квачев. Лев Квачевский был моим самым лучшим другом. Мы не могли друг без друга жить. Связь нас большая охота работать и хождения (то, что он жил на спиртоочистительном заводе, значения основного в нашей дружбе не имело).

Нужно сказать, что жены моих друзей меня не любили за то, что я уводил мужей во всякое другое время на этюды: потому их никогда не было дома. (Из автобиографии.)

Теперь сейчас сижу у окна и смотрю в ясное небо, звезды (чуть-чуть Пушкиным не сдвинут). (Из письма Михаилу Гершензону,

женщины меня встретили лучше не придумаю. Я думаю, что еще ни одному художнику не было жазано такого гостеприимства. С мнением считаются как с аксиомой. Одним словом, где дворником улица метется. Но один недостаток у них выражается в том, что не догадывается между листьев славы какие-нибудь червонцы. Они обо мне таинения, что такой известный художник, ко-обеспечен всем. (Из письма Льву Юдину, Берлин.)

Это уже давно известно, что являюсь пугалом в мире искусства, в особенности в России. (Из письма Николаю Суетину, 1927.)

Сейчас же сидим голодные, как собаки, ни с великим трудом кое-что соберем на относительно политики по отношению ко мне она выражается в форме очень подлой, со стороны власти или, вернее, администрации по линии искусства — общее признание, уважение, но ни черта больше, никому не дают... Но я держусь сил и ожидаю наверняка второго прохода в академию художеств. И эта саранча, которая гложет молодые силы поколения как хлебные, должна же когда-либо издохнуть в академии Савинов, Карев, Водкин, в самые заметные черберы, окруженные им тьмутараканьем, сами они же напоит сфинксы, которые привезены из Фив святого Петра и поставлены у академии, но разница между сфинксами и этой комедией, что те молчат, а последние «гавкают». (Из письма Ивану Клыуну, 1932.)

Я подлинный герой, революционер, Иисус Христос буржуазное к тупику, ско-

Малевич. 1910 год

рнее не привели его социалисты большевики. (Из письма Григорию Петникову, 1933.)

Современники о Малевиче

— Это был человек маленького роста, коренастый, с тяжелым лицом. Его общая культура оставляла желать многого... (Михаил Ларионов)

— На его картины еще до-супрематические, на его конусообразных баб все и умилялись и теряли на миг самоуверенность. (Виктор Шкловский)

— Малевич имеет огромный успех, его ученик [Николай Суетин] провел в посуду супрематическую форму. Сбыт в Москве колоссальный. (Михаил Матюшин)

— Малевич... любил демонстрации, декларации, диспуты, новые аксиомы; утверждал и полагал, повисая лозунгами над своими картинами; в публичных выступлениях участвовал охотно, к пятнадцатому году уже врезался в слушателей бумерангами своих квадратов и проповедовал. Вокруг него всегда шумели и суеились; он имел многих последователей и учеников-фанатиков; это были его штурмовые колонны, он посылал их вперед... Малевич умел внушать неограниченную веру в себя, ученики его боготворили, как Наполеона армия. (Николай Пунин)

— Малевич сделал на белом полотне черный квадрат. Художественные достоинства подобной вещи очевидно невелики. (Иван Пуни)

— Шагал... жалуется, что от Малевича нет житья в Витебске — отбил у него всех учеников. (Варвара Степанова)

— У нас теперь в городе «засилье художников». Спорят об искусстве с остервенением, а я переутроен и мечтаю о «загранице». В конце концов, для художника (во всяком случае для меня) нет более пристойного места, как у мольберта. (Марк Шагал)

СМИ о Малевиче (1908—1936)

— Совершенно неинтересны этюды К. Малевича. («Голос Москвы», 1908)

— Груб, безвкусен К. Малевич. («Столичная молва», 1912)

— Под названием «Кубофутуристический реализм» г. Малевич выставил портрет помещицы. Картина представляет собой бесформенную кучу кубиков и цилиндров, и надо полагать, что помещица заживо похоронена под ними. («Петербургская газета», 1913)

— Г-н Малевич говорит очень просто об исчезновении привычки сознания видеть в картинах изображения. Но знаете ли вы, что это такое? Ведь это не что иное, как воззвание к исчезновению любви, иначе говоря, того самого согревающего начала, без которого нам всем суждено неминуемо замерзнуть и погибнуть. (Александр Бенуа. «Речь», 1916)

— В истории новейшего течения русской живописи Казимир Малевич занимает первое место. Его супрематизм, можно сказать, вывел живописное искусство из тупика традиционного застоя. («Рефлектор», 1923)

— О Малевиче у нас не пишут. Вероятно, потому, что наши присяжные искусствоведы никак не решат, что выражает его черный квадрат на белом фоне: разложение буржуазии или, наоборот, восхождение молодого класса пролетариата? Так, товарищи, нельзя. Новые виды художественного труда требуют к себе иного, производственного подхода к критике. («Современная архитектура», 1927)

— Логическое заключение — одинокий «Черный квадрат» Малевича как высшее проявление живописи. Полный тупик. И этот тупик безыдейного немощного творчества, застрявшего на задах самых реакционных установок западноевропейского искусства, был декларирован как смерть искусства вообще. («Искусство», 1933)

— Советская художественная общественность теряет в лице Малевича большого мастера. (Некролог, «Ленинградская правда», 1935)

— Руководители Третьяковской галереи почти не выставили даже такую издевательскую вещь, как «Черный квадрат» Малевича. («Правда», 1936)

Казимир Малевич с женой Натальей Малевич. Ленинград. Около 1930 года

453